

Евгений Доровин:

Время все расставит по своим местам

Накануне очередной годовщины трагических событий осени 1993 года мы встретились с председателем Комитета Памяти Жертв трагических событий в городе Москве в сентябре — октябре 1993 года, депутатом Госдумы, секретарем МГК КПРФ Евгением Доровиным.

— Евгений Владимирович, одним из организаторов траурных мероприятий, ежегодно проходящих в Москве 3 и 4 октября, является Комитет памяти. Кто в него входит? Когда он был создан, зачем?

— Он создавался, прежде всего, как комитет помощи. Уже осенью 1993 года возникло несколько групп граждан, которые в основном занимались поиском раненых и убитых, оказывали помощь в больницах. Объединив их, комитет начал работать по подготовке первой памятной даты трагедии — через полгода, как и положено по православному обычаю. В состав комитета я вошел в июле 1994-го. А через полгода возглавил комитет. С тех пор мы несем эту ношу — работаем с людьми, пережившими большое горе. Родителями, женами, детьми. Кому-то помогаем выучиться, кому-то получить необходимую медицинскую помощь.

Первоначально в наш комитет входили 62 человека, в том числе известные политики. Сейчас, через 19 лет после трагедии, в составе комитета остались единицы. Многие из-за отсутствия возможности накопить политический багаж ушли. Но мы продолжаем работу.

— Какова роль горкома партии в деятельности комитета?

— Ну одно то обстоятельство, что комитет возглавляет коммунист, ныне секретарь горкома говорит само за себя. Конечно же, в своей деятельности комитет всегда опирался на коммунистов. В первые годы после трагедии горком партии организовывал встречи родственников погибших два раза в год: на Новый год и 8 марта. Мы обеспечивали детей билетами на елку — в Кремль, в Колонный зал, Патриархию. К сожалению, позднее эта традиция была утрачена. Время неумолимо идет вперед. Многие ушли из жизни. Дети погибших не только сами выросли, у них появились свои дети. Со многими мы до сих пор поддерживаем теплые отношения. Горком оказывает помощь в поддержании могил погибших — за райкомами закреплены кладбища. И, конечно, горком партии принимает самое непосредственное участие в организации акций в память о защитниках Советской власти.

— Они необходимы! О тех трагических днях наши сограждане начинают забывать. Многие уже путают события 1991 и 1993 годов. Мне вот позволил знакомый, «открывший» для себя

«факт», что Грачев перешел на сторону защитников Белого дома: ваших взглядов, говорит, просоветских, был человек. Все в головах сместилось!

— Это старательно делает власть. Она всеми силами силится стереть народную память. Я многие годы занимался созданием памятника погибшим, и проекты были, но официального разрешения так и не получил. Наши массовые мероприятия показывают фрагментарно, чисто информационно. Меня много раз приглашали куда-то, снимали. Но потом все срезается.

— Евгений Владимирович, часто приходится слышать упреки, что коммунисты практически остались в стороне от трагических событий осени 1993 года...

— Вранье! Большинство защитников Верховного Совета составляли именно коммунисты — вчерашние и сегодняшние. Члены КПСС и КПРФ в те дни были рядом. Я в то время был первым секретарем Советского райкома партии и выполнял поручение горкома КПРФ с первого дня участвовал в организации дежурства у Дома Советов. Кто-то приходил к нему днем, кто-то вечером, после работы. Некоторые даже брали отпуск, зная, что из их первички сюда больше некому прийти. Это не только партийный актив, руководители, но и рядовые коммунисты.

— Как КПРФ, на тот момент находящейся в стадии становления, в тех условиях удалось организовать?

— Определенный опыт противодействия властям на улице у нас уже был. В сентябре 1991-го, когда была предпринята первая попытка выноса из Мавзолея тела Ленина, около полутора тысяч коммунистов собрались на Красной площади. Я был одним из организаторов и ведущих митинга и шествия от Совета рабочих Москвы 7 ноября 1991 года. Сразу же после нашей районной конференции, в марте 1992 года, значительная часть нашего актива, вместе с коммунистами из других районов пришли к Дому Советов, протестуя против ОПУСа Ельцина. Затем было 1 мая в 1993... Эти репетиции позволили нам приобрести определенный опыт в организации людей в сжатые сроки.

Угроза ликвидации Советской власти, пусть и формальной, существовавшей в виде Верховного Совета, заставила людей сплотиться. Их у здания Верховного Совета в те дни

собралось очень много. На мой взгляд, там постоянно дежурило не менее тысячи человек, даже ночью. Позже стали ставить палатки, жечь костры. Я лично был там с 21 сентября по 4 октября почти все время, иногда даже ночевал. Среди нас были не только москвичи, но и приезжие. Причем не только из других областей страны, но и бывших союзных республик: Украины, Белоруссии. Одна женщина с тремя детьми приехала из Абхазии искать правду в Верховном Совете. Когда она подошла к милиционеру, ее самый маленький сын спросил: «А у вас стреляют?» Кто мог знать, в какую мясорубку они попадут... Сами голодные, они еще и собаку маленькую подобрали. Я отвел их к баркашовцам, где их накормили горячим и дали возможность переночевать. Их дальнейшая судьба мне, к сожалению, неизвестна. Многим было нелегко жить. Сердобольные москвички, в том числе и из моей организации, кормили их, давали возможность переночевать. Замечательная спайка была у людей. Многим позднее это помогло остаться в живых — люди вытаскивали друг друга из-под обстрелов и колес БТР...

Присутствовали люди из самых различных социальных групп, в том числе и не разделяющие коммунистических идей: монархисты, националисты и прочие. Людская толпа представляла собой гомогенную смесь, которая в любой момент могла взорваться. Если бы ею кто-то грамотно руководил, наверное, можно было бы пойти по правильному пути и избежать кровопролития и тех огромных потерь, которые мы понесли.

Штаб ЦК КПРФ по помощи защитникам Советской власти располагался в старом здании за зоопарком и работал до 4 октября.

Штабы располагались в райсоветах и в Моссовете. Последний «красный» райсовет держался именно на Пресне, хотя вокруг свистели пули. По призыву Моссовета во всех районах должны были одновременно пройти митинги, которые оттянули бы силовиков от Верховного Совета, а мы бы направили туда своих людей. Мне было поручено проводить акцию в Южном округе, около метро «Автозаводская». Однако в других районах акции не прошли. И на следующий день мы решили объединить силы и выйти на Смоленскую. Мы там баррикады поставили. Но они подогнали столько войск, что избежать столкновения было просто нельзя. Можно сказать, что этот день стал генеральной репетицией перед 3-4 октября.

— А много в эти дни было жертв? Цифры называют самые разные.

— По приблизительным подсчетам тех, кто оставался там до конца, — больше тысячи. Из тех, кто остался внутри оцепления 4 октября — удалось спастись немногим. Многие из них погибли страшной смертью. На стадионе шел ремонт и стояли бытовки. Людей заводили за них и расстреливали в упор. Пытали. Уродовали тела, лица. Пример — страшная смерть 17-летней Наташи Петуховой, следы пыток на теле которой обнаружили ее родители после выдачи тела из морга. После снятия оцепления на изрешеченных стенах бытовок можно было увидеть застрявшие фрагменты плоти — видимо, в людей стреляли разрывными пулями.

Те, кого расстреляли вне зоны оцепления, в списки погибших не попали. Примеров зверств со стороны тех, кто штурмовал Верховный Совет, и после окончания штурма не счесть. Один из них — смерть майора Советской Армии. Его жена в телерепортаже видела, как он вышел из осажденного здания — узнала по чемоданчику, который собирала,

когда он уходил. Но домой защитник Верховного Совета не вернулся. На следующий день ее пригласили на опознание. Как врач, она сразу определила, что голова мужа прострелена в упор — были сожжены волосы. Скинута простыня и увидела полосы на руках — следы от наручников, исколотый живот. Очевидно, что его пытали, подвешивая за руки в наручниках.

Славу Хайбуллина застрелил снайпер. Студент медучилища, он, увидев, что у Останкино идет стрельба, надел халат, взял сумку с красным крестом и, как и положено любому меднику, пошел помогать. Снайпер всадил ему две пули в шею.

Зверства начались в Останкино. Страшной смертью погиб там и Журавский — он был ранен в ногу, пытался отползти, а БТР его догнал и просто раздавил.

А 4 октября уже был беспредел. Людей убивали на улицах города. Под пули попадали совершенно случайные люди, которые не имели никакого отношения к защитникам Верховного Совета. Много было молодежи, почти детей. Одного мальчика убили у выхода из метро «Улица 1905 года». В теле 14-летнего Кости Калинина нашли 10 пулевых отверстий. Среди убитых был и 17-летний Сережа Кузьмин. Многие списали на несчастные случаи. Кого-то причислили к пропавшим без вести.

— Допускали ли те, кто защищал Верховный Совет, возможность штурма?

— И я, да и многие другие знали, что решение вопроса будет силовым.

— Вы считаете, надо было уйти из Дома Советов?

— Нельзя было уходить оттуда. Ни в коем случае нельзя. Надо было стоять до конца! Если бы его не заблокировали, ситуация бы иначе развивалась. Проблемы начались, когда Пресню и Дом Советов опутали колочей проволокой, поставили оцепление и пройти туда стало невозможно. Когда здание Верховного Совета заблокировали, весь народ рванул туда, чтобы помочь. Там была затычка. Мы много пробивались, но тщетно.

— А как в этой ситуации проявили себя общественные деятели, деятели искусства?

— Гадко и бесчеловечно! Вспомните высказывания Ахеджаковой, Басилашвили, которые призывали власти к расправе над защитниками Дома Советов. Так вели себя и не только деятели искусства. В эти дни мы увидели предательство со стороны очень многих.

— Все говорят о противостоянии Советов и президента. Ну а как повели себя сами депутаты? Стояли до последнего?

— К сожалению, далеко не все. Многие «клянузили» на посулы президента и вышли. В конечном счете, ни один депутат не погиб и даже не был ранен. Те же Руцкой и Хазбула-

тов дистанцировались от истинных защитников Советской власти и действовали по своей программе — боролись за свою личную власть. Это и привело к трагедии. Их-то и пальцем никто не тронул, хотя как зачинщиков беспорядков могли бы на месте расстрелять.

— А поход на Останкино был правильным решением?

— Нет, роковой ошибкой! Не надо было туда идти! Поход на Останкино развязал власти руки, послужил детонатором трагедии. На мой взгляд, это была хорошо продуманная провокация. Нужен был повод, чтобы открыть огонь по зданию Верховного Совета.

— Был ли кто-то наказан за тво-рившиеся зверства?

— Было принято решение не предъявлять претензий к убийцам в случае, если против защитников Дома Советов будут прекращены уголовные дела. Им инкриминировали государственный переворот, хранение оружия и другое. Нужно было срочно выборы провести в Госдуму. Новую Конституцию принять. Теперь понимаю, что надо было довести дело до логического конца. Пусть бы преступная власть осудила этих людей. Тогда они остались бы до конца героями. А так их героизм половинчат. Да и мало было среди официально задержанных рядовых граждан.

А что касается наказания. Бог наказал и тех, кто организовывал эти бесчинства, и тех, кто был их исполнителем. Из тех, кто сидел за танковой броней, в живых уже нет никого. А самое главное, они канули в вечность и в человеческом смысле. Кто сегодня вспомнит генералов Ерина, Романова или Грачева? Никому они не нужны. Это закономерный итог любого предательства по отношению к собственному народу.

— В будущем году будет двадцать лет, как произошли те трагические события. В чем Вы видите основные задачи комитета сегодня?

— Я не исключаю, что власть и тут может попытаться заработать себе капитал. Принять политическое решение, объявив Ельцина кровавым диктатором. Что касается нас,

то, во-первых, ежегодно проводить наши мероприятия. Они дают определенный толчок к тому, чтобы еще раз вернуться к тем событиям, переосмыслить их. Во-вторых, бережно сохранять документальные материалы, свидетельства произошедшего. Передавать мы их никуда не решились, хотя нас много раз просили. Нужно сохранить их до тех времен, когда вновь придет советская власть, чтобы дать людям полную информацию о том, что произошло в Москве осенью 1993 года. Время все расставит по своим местам. Даст объективную оценку и событиям и людям, заслуженно разделив их на две категории: палачи и жертвы.

Юлия Михайлова

Вместо человеческого лица

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Далее корреспондент газеты его спросил: «Положим, прошло три года, и... не получилось. Что делать дальше?». На это профессор ответил: «Если не будет получаться, то... на арену выходит тоталитарный вариант. Ведь сам по себе переход от социализма к новому строю неизбежен. Если этого не сделать демо-

кратическим путем, остается путь диктатуры. Так шли к рынку — через диктатуру — Греция, Чили, ряд других стран...» (Аргументы и факты. Г.Попов: нужна новая партия». 1991. №29).

Путем Греции и Чили пошла к вожденному «демократами» рынку и Россия. Через горящий и залитый кровью Дом Советов, через массовые расстрелы участников защиты

Советской Конституции, через издевательства и пытки над ними. И это все называлось «победой демократии». Можно констатировать: за два года до кровавых событий профессор сообщил о хладнокровном намерении «демократов» идти по трупам сограждан, о том, что в нашей стране будут свои «черные полковники» и пиночеты, палачи и убийцы. Слова про-

фессора остались тогда незамеченными широкой общественностью. А жаль. Ведь речь шла о предстоящем государственном перевороте, его сценарии и последствиях для страны. В тот момент лжедемократы и лжегуманисты, поклоняющиеся золотому тельцу, показали свой звериный оскал. Вместо человеческого лица.

Татьяна Наумова